

ОТ АВТОРА

«Зацепить 13-го» — первое произведение новой серии, повествующей о жизни совершенно новых героев с юга Ирландии. Надеюсь, что читать о них вы будете с тем же удовольствием, с каким я о них писала.

Это начало.

Благодарю за чтение.

Хлоя. хох

1

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

ШАННОН

Десятое января 2005 года.

Впереди целый год и первый день занятий в школе после рождественских каникул.

Я нервничала, да так сильно, что меня за утро трижды вывернуло.

Пульс колотился с угрожающей частотой. Беспокойство — вот виновник моего сбивающегося сердечного ритма, не говоря уже о рвотном рефлексе, который я не могу контролировать.

Расправив новенькую школьную форму, я смотрелась в зеркало в ванной комнате и едва себя узнавала.

Темно-синий джемпер с эмблемой Томмен-колледжа на груди, белая рубашка и красный галстук. Серая юбка чуть выше колена обнажает тощие недоразвитые ноги. Телесные колготки, темно-синие носки и черные туфли-лодочки с двухдюймовыми каблуками¹.

Я выглядела как вставной зуб.

Я так себя и ощущала.

Единственное утешение: в туфлях, купленных мамой, мой рост был целых пять футов и два дюйма. Для своего возраста я оставалась до смешного маленькой — во всех смыслах.

Чрезвычайно тощая, с детской фигурой и двумя прыщиками вместо груди, явно нетронутая пубертатом в отличие от остальных девочек моих лет.

Длинные каштановые волосы струятся по плечам, достигая лопаток. Простой красный обруч удерживает их на лбу, чтобы не лезли в глаза. Никакого макияжа, что еще больше делает

¹ Дюйм составляет примерно 2,5 см, фут — примерно 30,5.

меня похожей на пигалицу, которой я себя и ощущаю. Слишком большие глаза для такого лица, и при этом ошеломляюще синего оттенка.

Я прищурилась, надеясь, что от этого глаза приобретут более человеческий вид, и попыталась втянуть пухлые губы в рот.

Не-а.

С прищуром я выглядела лишь еще страннее, вдобавок стало казаться, что у меня запор.

Страдальчески вздохнув, я коснулась пальцами щек и нервно выдохнула.

Мне нравилось думать, что маленький рост и размер груди компенсируются внутренней зрелостью. Я отличалась уравновешенностью, да и вообще вела себя как старушка.

Бабуля Мёрфи всегда говорила, что я мудра не по годам.

В какой-то степени она не ошибалась.

Меня никогда не волновали ни парни, ни всякие повальные увлечения.

Во мне этого попросту не было.

Где-то прочитала, что зрелыми нас делают не возраст, а потрясения.

Если так, то по эмоциональным меркам я вышла на пенсию.

Кучу времени я волновалась, что у меня все не так, как у других девчонок. В отличие от них я не испытывала ни сильных желаний, ни интереса к противоположному полу. Меня не интересовали мальчики, девочки, известные актеры, крутые модели, клоуны, щенки... Ладно, интерес к милым щеночкам и большим пушистым собакам у меня был, а все остальное плюс-минус по фигу.

Меня не интересовали поцелуи, обнимашки и прочие нежности. Даже думать об этом было невыносимо. Скорее всего, родительские срачи, которые я наблюдала с детства, напрочь отбили охоту связывать жизнь с другим человеком. Если отношения между отцом и матерью назывались любовью, то я в таком участвовать не хотела.

Лучше буду одна.

Тряхнув головой, чтобы отогнать разрушительные мысли, пока они не достигли точки невозврата и не утянули меня в депрессуху, я вновь уставилась на свое отражение в зеркале и заставила себя сделать то, что нынче делала редко: улыбнуться.

«Дыши глубже, — мысленно твердила я себе. — Ты начинаешь с чистого листа».

Повернув кран, я вымыла руки и побрызгала водой на лицо, отчаянно пытаюсь остудить кипящее внутри волнение. Первый день в новой школе — попробуй тут не струхнуть.

«Любая школа должна быть лучше той, где я училась раньше». Эта мысль заставила поежиться от стыда. «Тех, — уныло поправила себя я. — Во множественном числе».

Я страдала от постоянного буллинга и в начальной, и средней школе.

По неизвестной, изуверской причине, я была мишенью каждой детской эмоциональной неудовлетворенности с нежного четырехлетнего возраста¹.

Еще в подготовительном классе большинство девчонок решили, что я им не нравлюсь и общаться со мной они не станут. Мальчишки оказались не лучше, хотя их нападки и отличались меньшим садизмом.

Это было необъяснимо: я великолепно ладила с детьми на нашей улице и вообще никогда ни с кем не ссорилась в нашем районе.

Но школа...

Школа стала для меня седьмым кругом ада. Все девять лет начальной школы вместо обычных восьми надо мной постоянно издевались.

Первый подготовительный класс оказался настолько мучительным, что мама, по обоюдному согласию с учительницей, решила: мне лучше побыть дома, а на следующий год прийти в новый класс. И хотя в новом классе мои страдания возобновились, я сумела крепко подружиться с Клэр и Лиззи. Дружба с ними сделала школу более или менее переносимой.

Когда в последнем классе начальной школы пришло время выбирать среднюю, я убедилась, что сильно отличаюсь от подруг.

Клэр и Лиззи в сентябре ожидал Томмен-колледж — роскошная элитарная частная школа с внушительным финансированием и превосходным оснащением. И все это благодаря

¹ Обучение в школе в Ирландии обязательно с шести лет, однако большинство детей начинают учиться с четырех. Курс начальной школы длится восемь лет: два подготовительных класса и шесть обычных. Затем учащиеся переходят в среднюю школу, подразделяющуюся на младший цикл и старший, по окончании каждого из которых сдаются государственные экзамены. Старший цикл не является обязательным.

«конвертикам» от состоятельных родителей, повернутых на том, чтобы их детки получили лучшее образование, какое можно купить за деньги.

Ну а меня ожидала местная переполненная муниципальная школа в центре города.

Жуткое чувство оторванности от подруг не забылось до сих пор.

Буллинга хотелось избежать так отчаянно, что я умоляла маму отправить меня на Беару¹, к ее сестре Элис, чтобы, живя у них в семье, я могла бы окончить учебу.

Нет слов, чтобы описать чувство опустошения, охватившее меня, когда отец поставил точку в вопросе переезда к тете Элис.

Мама любила меня, но она была слаба и замучена, а потому не стала устраивать баталию с отцом, когда он потребовал, чтобы дальше я училась в Баллилагинской муниципальной школе.

И стало только хуже.

Добавилось жестокости.

Добавилось насилия.

Добавилось физических издевательств.

Первый месяц первого года² за мной гонялись несколько групп мальчишек, и все требовали от меня того, чего я не желала давать.

Потом меня прозвали *фригиткой*³, потому что я не желала любезничать с теми самыми мальчишками, которые годами превращали мою жизнь в ад.

Самые циничные высказывались жестче, предполагая, что я фригитка, оттого что у меня под юбкой есть кое-что мальчишечье.

Но какими бы жестокими ни были эти мальчишки, девчонки превосходили их изобретательностью.

И изощренной гнусностью.

Девицы распускали отвратительные слухи, будто я страдаю анорексией и каждый день после обеда иду блевать в туалет.

¹ Беара — полуостров на юго-западном побережье Ирландии.

² В ирландской средней школе вместо понятия «класс» как уровень обучения используется слово «год».

³ В оригинале frigit. Сленговое понятие, обозначающее человека, который ни разу не целовался.

Я не страдала ни анорексией, ни булимией, если уж на то пошло.

Находясь в школе, я буквально каменела внутри и не могла заставить себя что-либо съесть. Когда меня тошнило — а такое случалось сплошь и рядом, — это было непосредственной реакцией на невыносимый, постоянный стресс. Добавьте сюда не по возрасту маленький рост, неразвитость тела и костлявость. Все это никак не способствовало опровержению слухов.

Когда мне исполнилось пятнадцать, а первой менструации так и не случилось, мама повела меня к местному терапевту. У меня несколько раз взяли кровь на анализ, несколько раз осмотрели, после чего семейный врач заверил нас с мамой, что я вполне здорова и что у некоторых девочек половое созревание запаздывает по сравнению с остальными.

С тех пор прошел почти год, и настоящих месячных у меня так и не было — лишь один раз летом, да и то меньше, чем полдня.

По правде говоря, я перестала мечтать, что мое тело работает, как у нормальной девочки. Нормальной я точно не была.

Врач также посоветовал маме проверить условия обучения, предположив, что стресс, испытываемый в школе, может служить одной из причин явного физического отставания в развитии.

После горячего спора между родителями, в котором мама вступилась за меня, я вернулась в ту же школу, где была объектом нескончаемых пыток.

Их жестокость варьировалась от оскорбительных прозвищ и распускания слухов до прокладок, приклеенных на спину, а дальше издевательства перешли в физическую плоскость.

Однажды на уроке труда несколько девиц, сидевших сзади, кухонными ножницами откромсали мне прядь волос, собранных в конский хвост, а потом трясли ею, словно трофеем.

Все хохотали. Думаю, смеющихся в тот момент я ненавидела больше, чем непосредственных исполнительниц.

В другой раз, во время медосмотра, девчонки сфотографировали меня на телефон в нижнем белье, после чего разослали снимок нашему и всем параллельным классам. Директор быстро это пресек; владелицу мобильного временно отстранили от занятий, но половина школы успела вдоволь посмеяться надо мной.

Помню, как в тот день я ревела; естественно, не на глазах у всех, а в туалете. Я влетела в кабинку, собираясь покончить со всем этим. Горсть таблеток — и вся эта хрень прекратится.

Жизнь стала сплошным горьким разочарованием, и тогда я не хотела ее продолжения.

Я ничего не сделала, потому что была слишком труслива.

Очень боялась, что у меня не получится, что проснусь и придется расхлебывать последствия.

Это был полный отстой.

Мой брат Джоуи сказал, что меня буллят, потому что я симпатичная, и назвал моих мучительниц завистливыми суками. Он добавил, что я обалденная, и велел быть выше этого.

Легче сказать, чем сделать. Я была не настолько уверена в своей обалденности.

Многие девчонки издевались надо мной еще в подготовительном классе.

Сомневаюсь, что внешняя привлекательность тогда имела значение.

Я просто *не нравилась*.

И потом, как бы Джоуи ни старался находиться рядом и защищать мою честь, он не понимал, как я чувствовала себя в школе.

Старший брат во всем представлял собой мою полную противоположность.

Я была коротышкой, а он высоким. У меня были синие глаза, у него — зеленые. У меня были каштановые волосы, у него — светлые. Его кожу покрывал золотистый загар. Я отличалась бледностью. Джоуи был открытым и громким. Я — скрытной тихоней.

Но самый разительный контраст между нами заключался в том, что моего брата все просто обожали в Баллилагинской муниципальной школе (сокращенно БМШ).

Конечно же, уровень популярности Джоуи поддерживался его блестящей игрой в юношеской команде Корка по хёрлингу¹, но и без спорта он был отличным парнем.

И, как отличный парень, Джоуи старался защитить меня от всего, но эту задачу никто не смог бы решить в одиночку.

У нас с Джоуи был старший брат Даррен и трое младших: Тайг, Олли и Шон. Но Даррена никто из нас не видел вот уже

¹ Хёрлинг — традиционный ирландский командный вид спорта, в который играют деревянными клюшками и мячом.

пять лет, когда после очередной позорной разборки с отцом он ушел из дома. Одиннадцатилетний Тайг и девятилетний Олли еще учились в начальной школе, а трехлетний Шон, можно сказать, только-только вылез из подгузников, так что с защитниками у меня было не очень-то.

В такие дни, как сегодня, старшего брата мне остро не хватало.

Даррен родился на семь лет раньше меня, ему уже исполнилось двадцать три. Большой и бесстрашный, он был эталоном старшего брата для любой подрастающей девчонки.

С раннего детства я обожала даже землю, по которой он ходил, таскалась за ним и его друзьями, повсюду увязываясь следом. Он всегда меня защищал, а дома брал на себя вину, если я делала что-то не так.

Жизнь его была нелегка, но я из-за разницы в возрасте не понимала, какую борьбу ему приходится вести. Родители встречались лишь пару месяцев, когда мама в пятнадцать лет забеременела Дарреном.

Даррена называли незаконнорожденным, потому что он появился на свет вне брака в католической Ирландии восьмидесятых, и жизнь его всегда была испытанием. А когда ему исполнилось одиннадцать, все стало значительно хуже.

Даррен феноменально играл в хёрлинг, как и Джоуи, но отец презирал его, как и меня. Он вечно находил у Даррена какой-то недостаток, будь то прическа или почерк, игра на поле или выбор партнера.

Даррен был геем, и наш отец не мог с этим смириться.

Однажды с Дарреном приключилась какая-то неприятность, так отец возложил вину за случившееся на сексуальную ориентацию моего брата. Кто бы что ни говорил, никому не удавалось втолковать нашему отцу то, что быть геем — это не выбор.

Даррен родился геем, как Джоуи родился натуралом, а я родилась пустышкой.

Старший брат был тем, кем был, и у меня сердце разрывалось оттого, что в родном доме его не принимают.

Жить бок о бок с отцом-гомофобом было для Даррена пыткой.

Я ненавидела отца за это больше, чем за всю остальную жуть, которую он творил год за годом.

Нетерпимость и откровенно пристрастное отношение к собственному сыну были мерзейшими из его качеств.

Когда Даррен решил на год уйти из хёрлинга и вплотную заняться подготовкой к выпускным экзаменам, у отца снесло крышу. Месяцы отчаянных споров и физических столкновений закончились крупным скандалом, после которого Даррен собрал вещи, вышел за дверь и больше не вернулся.

С того вечера прошло пять лет, и, кроме поздравительных открыток на Рождество, от него не было ни слуху ни духу.

Мы не знали ни его адреса, ни номера телефона.

Он как в воду канул.

После этого все давление, которое доставалось Даррену, перешло на остальных сыновей, которые в отцовских глазах были *нормальными*.

Если он не коротал время в пабе или букмекерских конторах, то всегда таскал мальчишек на тренировки и матчи.

Все внимание он уделял им.

Во мне он не видел никакого проку; одно слово — девчонка.

Я не показывала успехов в спорте, не блистала в учебе и не входила ни в какие клубы.

В глазах отца я была просто ртом, который надо кормить до восемнадцати лет.

Эти слова я не придумала. Отец без конца говорил их мне по любому поводу.

После пятого или шестого раза я выработала к ним иммунитет.

У отца отсутствовал интерес ко мне, а у меня — к тому, чтобы лезть из кожи вон, пытаясь соответствовать его иррациональным ожиданиям. Я все равно никогда не буду мальчиком, а потому незачем стараться угодить человеку, чье сознание застряло в пятидесятых.

Я давно уже устала вымаливать любовь у того, кто, по его же словам, никогда не хотел моего появления на свет.

Однако меня тревожило то, как отец давил на Джоуи, и поэтому я чувствовала себя такой виноватой, когда брат приходил мне на помощь.

Нынешний год для Джоуи был шестым и последним в средней школе. Добавьте к этому все его прочие заботы: ГАА¹, подработка на автозаправке, подготовка к экзаменам на аттестат зрелости и, наконец, Ифа — его девушка.

¹ Гэльская атлетическая ассоциация (ГАА) — ирландская международная общественная организация спортсменов-любителей, сосредоточенная преимущественно на развитии и продвижении гэльских игр.

Я знала: когда мне больно, боль передается и Джоуи. Я не хотела быть ярмом на его шее, объектом его постоянной опеки, но сколько помню, так оно всегда и получалось.

По правде говоря, я больше не могла выносить огорчения в его глазах, возникавшего, когда мы встречались в школе. Проходить мимо него по школьным коридорам и знать, как он, взглянув на меня, меняется в лице.

Надо было отдать должное учителям в БМШ: они пытались защитить меня от толпы школьных линчевателей. На второй год моего пребывания там миссис Фолви — преподаватель-консультант — даже договорилась о встречах со школьным психологом раз в две недели. Потом школе урезали финансирование, и эти встречи прекратились.

Мама сумела наскрести денег на частного психотерапевта. Но каждый сеанс стоил восемьдесят евро, и мама просила, чтобы я не делилась всеми своими мыслями. Я сходила туда пять раз, после чего соврала маме, что мне стало лучше.

Лучше не стало.

Лучше никогда не становилось.

Я просто больше не могла смотреть, как мама выбивается из сил.

Я презирала себя за то, что была для нее финансовой обузой. И потому смирилась, нацепила на лицо улыбку и продолжила каждый день ходить в ад.

Однако буллинг не прекращался.

Ничего не прекращалось.

Но однажды все-таки прекратилось.

В декабре прошлого года, за неделю до Рождества и спустя три недели после аналогичной стычки с теми же девчонками, я пришла домой в слезах. Школьный джемпер спереди был разорван, я дышала ртом, потому что в нос насовала бумажных салфеток, чтобы остановить кровотечение. Лицо мне расквасили пятигодки, яростно утверждавшие, что я пыталась охмурить кого-то из их дружков.

Это была наглая ложь — меня обвиняли в попытке соблазнить парня, на которого я никогда не обращала внимания, — и еще одно из множества жалких оправданий для расправы со мной.

И в тот день прекратила я.

Прекратила врать.

Прекратила притворяться.

Просто прекратила.

Тот день стал переломным не только для меня, но и для Джоуи. Он вернулся домой и сообщил: его на неделю исключили из школы за то, что отдубасил братца Киры Малони — моей главной истязательницы.

Наша мама только взглянула на меня и забрала документы из школы.

Вопреки желаниям отца, считавшего, что мне нужно научиться давать сдачи, мама пошла в местный кредитный союз и взяла заем для оплаты вступительного взноса в Томмен-колледж — платную частную среднюю школу, находившуюся в пятнадцати милях к северу от Баллилагина.

Я хоть и тревожилась за маму, но знала: если я еще раз переступлю порог БМШ, назад уже не вернусь.

Я исчерпала свой лимит.

Передо мной замаячила вероятность более счастливой жизни, и я обеими руками за нее ухватилась.

И хотя я опасалась, что за переход в частную школу мне прилетит от ребят из нашего района, я знала: вряд ли это будет хуже того дерьма, которое остается в прошлом.

И потом, я буду учиться в одном классе с Клэр Биггс и Лиззи Янг, с которыми дружила в начальной школе. Это мне пообещал мистер Туми — директор Томмен-колледжа, когда на рождественских каникулах мы с мамой ездили туда записываться.

Мама и Джоуи неустанно меня поддерживали и подбадривали. Мама взяла дополнительные смены в больнице, где работала уборщицей, чтобы заплатить за мои учебники и форму, которая включала блейзер.

До Томмен-колледжа блейзеры я видела только на мужчинах во время воскресной мессы и ни разу на подростках. А теперь он станет частью моей повседневной формы.

Я переходила в другую школу в середине учебного года — очень важного года, поскольку в конце его меня ожидали промежуточные экзамены. Это стало причиной раскола в нашей семье. Отец был в ярости из-за необходимости тратить тысячи евро на образование, которое в муниципальной школе через дорогу не стоит ни цента.

Когда я попыталась объяснить отцу, что моя жизнь в муниципальной школе была далеко не так легка, как у его драгоценного сына — звезды ГАА, он отказался слушать, велел

заткнуться и недвусмысленно оповестил, что не собирается поддерживать мое обучение в частной школе, где все повернуто на регби и учатся сплошь напыщенные клоуны и мажоры.

Я и сейчас помню слова, вылетавшие из отцовского рта: «Подняла морду — и кочергой не достанешь», «Не для регби и частных школ тебя растили» — и особенно мою любимую: «Не ровня ты этим сучкам».

Мне хотелось крикнуть: «Тебе не придется за это платить!» — потому что с тех пор, как мне исполнилось семь, отец не работал ни дня, а кормила всю семью мать. Но я промолчала, потому что возможность ходить на своих двоих была мне дорога.

Отец не врубался, но опять же, думаю, что за всю жизнь он ни разу не сталкивался с буллингом. А если такое и случалось, от него буллинг и исходил — от Тедди Линча.

Бог свидетель, сколько издевательств терпела от него мама.

Из-за отцовских возмущений по поводу смены школы я почти все зимние каникулы просидела у себя в комнате, стараясь не попадаться ему на глаза.

Единственная девочка в семье с пятерыми мальчиками, я жила в отдельной комнате. У Джоуи тоже была комната, больше моей, и пока Даррен не ушел из дома, они делили ее на двоих. Тайг и Олли тоже жили вдвоем, а Шон пока обитал в родительской спальне — самой большой из всех.

И хотя мне достался просто чулан в передней части дома и в нем было не повернуться, я ценила уединенность, которую дарила дверь с замком.

Несмотря на четыре спальни на втором этаже, наше жильё было крошечным: еще там помещались гостиная, кухня и одна на всю семью ванная. Двухквартирный дом стоял на границе Элк-Террас — самого крупного района Баллилагина, застроенного муниципальным жильём.

Жесткий район с высоким уровнем преступности, и я пряталась от всего этого за стенами своей комнаты.

Она служила мне убежищем от суеты и безумия дома — и улицы, — но я знала, что это не навсегда.

Мое уединение висело на волоске, поскольку мама снова была беременна.

Если родится девочка, я лишусь своего убежища.

— Шан! — Отчаянный стук в дверь ванной вырвал меня из невеселых раздумий. — Давай быстрее, а? Сейчас обоссусь.

— Две минуты, Джоуи! — крикнула я и оглядела себя еще раз. — Ты сможешь, — прошептала я себе. — Ты абсолютно точно справишься, Шаннон.

Стук повторился, я торопливо вытерла руки полотенцем, висевшим на крючке, и, открыв дверь, устремила глаза на брата, который стоял в одних черных боксерах, почесывая грудь.

При виде меня у него округлились глаза, сонное выражение сменилось живым и удивленным. В выходные на матче по хёрлингу он заработал здоровенный синяк под глазом, но ни один волосок на его симпатичной башке это не колыхало.

— Ты выглядишь... — Брат умолк, окидывая меня критическим взглядом. Я внутренне сжалась, ожидая неизбежных шуточек в свой адрес, но он сказал другое: — Прекрасно. — Его светло-зеленые глаза были полны тепла и невысказанной тревоги. — Форма тебе идет, Шан.

— Думаешь, все будет в порядке? — тихо, чтобы не разбудить домашних, спросила я.

Мама вчера отпахала две смены, и они с отцом спали. Я слышала отцовский храп, доносившийся из-за закрытой двери родительской комнаты. Потом надо будет расталкивать мальчишек, не то опоздают в школу.

Как обычно, мы с Джоуи были вдвоем.

Двое amigos¹.

— Думаешь, я впишусь, Джоуи? — спросила я, высказав вслух свои тревоги.

С Джоуи я могла себе это позволить. С ним единственным в семье я могла говорить на такие темы и ему единственному доверять. Я взглянула на свою форму и беспомощно пожалала плечами.

Его глаза светились невысказанным чувством. Он оглядел меня с ног до головы. Я знала: он встал в такую рань не потому, что ему приперло в туалет, а потому, что хотел проводить меня в первый день новой жизни.

Было 6:15 утра.

Как и в Томмен-колледже, занятия в БМШ начинались в 9:05, но мне надо было поймать автобус — и единственный, идущий мимо нас, отправлялся в 6:45.

Это был первый автобус, отходивший из Баллилагина, и лишь на нем я могла вовремя попасть в школу. Мама по

¹ Друзья (исп.).

утрам почти всегда работала, а отец наотрез отказался меня возить.

Вчера вечером я еще раз попросила его меня подбросить, на что он ответил: если я перестану выделяться и вернусь в Баллилагинскую муниципальную школу, где учатся Джоуи и все ребята с нашей улицы, меня никуда не придется подбрасывать.

— Я чертовски горжусь тобой, Шан, — признался Джоуи, голос которого звенел от эмоций. — Ты даже не знаешь, какая ты смелая. — Он пару раз кашлянул и добавил: — Подожди, я сейчас. — Брат метнулся к себе и меньше чем через минуту вернулся. — Вот, — буркнул он, всунув мне в ладонь две купюры по пять евро.

— Джоуи, не надо! — Я категорически не желала брать у него деньги: они доставались брату нелегко. Начать с того, что на автозаправке платили мало, да и в семье деньгами не сорили, поэтому взять у Джоуи десять евро для меня было невысказано. — Я не могу.

— Шаннон, бери. Это всего-навсего червонец, — с серьезным видом заявил он. — Знаю, бабуля дала тебе на автобус, но у тебя в кармане должно быть хоть что-то еще. Без понятия, что за дела в этом месте, но не хочу, чтоб ты там оказалась совсем без гроша.

Чувства сдавили горло. Я проглотила комок и спросила:

— Ты уверен?

Джоуи кивнул и притянул меня к себе, чтобы обнять.

— У тебя все будет офигенно, — шепнул он мне на ухо и сжал так крепко, что я не поняла: он старается меня убедить или утешить. — Если кто-то хотя бы попробует на тебя наехать, пиши мне, я приеду и сожгу эту гребаную школу дотла со всеми сраными выпендренными тупоголовыми регбистами.

Эта мысль меня отрезвила.

— Все будет нормально, — сказала я, добавив голосу твердости, поскольку мне требовалось поверить в произносимые слова. — Но если я сейчас же не выйду из дома, то опоздаю, а мне в первый день совсем этого не надо.

Обняв брата на прощание еще раз, я надела пальто, закинула на плечи школьный рюкзак и пошла к лестнице.

— Напиши мне, — крикнул Джоуи, когда я уже одолела половину ступенек. — Я серьезно. Одно дерьмовое слово хоть от кого — и им придется иметь дело со мной.

— Я справлюсь, Джоуи, — прошептала я и быстро оглянулась на брата, который стоял, прислонившись к перилам, и с нескрываемой тревогой смотрел на меня. — Я смогу.

— Знаю, что сможешь, — тихо, с болью в голосе произнес он. — Я просто... Я тут, рядом. Слышишь? — спросил он, тяжело выдохнув. — Я всегда рядом с тобой.

Я поняла, что брату нелегко, глядя, как он провожает меня в школу, словно тревожный родитель своего первенца. Он всегда участвовал в моих битвах, всегда бросался мне на выручку и уводил в безопасное место.

Мне хотелось, чтобы он гордился мной, чтобы видел во мне нечто большее, чем пигалицу, которую необходимо все время защищать.

Мне самой это было нужно.

Ощувив приток решимости, я лучезарно улыбнулась брату, выскочила из дома и помчалась на автобусную остановку.